

УДК 821.161.1.09

ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЙ ЖЕСТ В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «СМЕХ»

© 2011 С.С. Нашатырева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: Статья посвящена изучению и стандартизации этической деятельности журналистов на региональном уровне, в том числе на примере конкретных случаев нарушения этических стандартов региональными СМИ, вопросам определения сущности понятия «этическая политика» СМИ, механизмам регулирования региональных СМИ.

Ключевые слова: жест, жестовый стиль, экспрессионистический жест.

Abstract: In this article we put under consideration the problem of correlation of the gesture and the word in L.N. Andreev's short stories of 1900-years (for example the short story «Laughter»). Also the research is concerned with the gesture style as the integral part of the expressionistic poetics of the writer's early prose.

Key words: gesture, gesture style, expressionism.

Проблема соотношения слова и жеста в художественной литературе — одна из таких, которая на протяжении десятилетий не теряет своей актуальности. И это далеко не случайно. Писатели всегда обращаются к движениям, жестам, которые часто могут сказать о том или ином герое больше, чем слово.

Вопросы поэтики жеста разрабатывались многими учёными, и каждый исследователь, признавая важность жеста, стремился дать ему исчерпывающее определение. По мысли Ю.М. Лотмана, «жест — это действие, поступок, имеющий не только и не столько практическую направленность, сколько отнесённость к некоторому значению. Жест всегда знак и символ. Поэтому всякое движение есть жест, значение его — замысел автора» [1, 34]. М.Н. Жорникова, перечисляя признаки жеста, указывает: «Жест как проявление в достаточной мере импульсивное не связан с целью, он обладает нецеленаправленностью и некоторой произвольностью выражения» [2, 16]. Оба высказывания подчёркивают важную особенность жеста — произвольность

и отсутствие явной практической направленности. Важным качеством жеста является и его знаковость, символичность. Каждый жест, совершаемый героем, может не иметь практической направленности, но он всегда служит раскрытию внутреннего мира персонажа, а далее — выражению авторской концепции действительности. В этом ключе уместно привести еще несколько определений жеста. О.Г. Мельниченко рассматривает жест как «раскрытие духовного склада героя» [3, 90]. Л.К. Чурсина отмечает, что жест — это «физическое движение и одновременно психическое состояние или динамика переживания во взаимосвязи внешнего и внутреннего» [4, 39]. По мнению М.Н. Жорниковой, «в литературе жест понимается как изначально литературно-аутентичный способ презентации внешнего и раскрытия внутреннего человека» [2, 15]. Из всех этих высказываний следует важный вывод: жест в художественном произведении (как часть портрета героя) всегда служит раскрытию внутреннего мира героя.

Являясь элементом портретных характеристик, жест в прозе Л. Н. Андреева приобретает расширительное значение.

М.Н. Жорникова вводит термин «жестовый стиль», понимая под этим «момент индивидуальности героя или определённого типа героев. Жестовый стиль складывается из типовых жестов, встречающихся у данного типа персонажей, и индивидуальных жестов, свойственных только этому персонажу, выделяющих из ряда других героев данного типа» [2, 13]. Возможность говорить о «жестовом стиле» даёт и подход к данной проблеме О.Г. Мельниченко. Говоря о роли жеста в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, исследователь указывает: «Богатство жестовой образности как существенный признак стиля украинских повестей органично для художественного почерка писателя» [3, 105].

Применительно к творчеству Л.Н. Андреева начала 1900-х годов можно утверждать, что этот «жестовый стиль» имеет ярко выраженную экспрессионистическую окраску, в связи с этим есть основания говорить об экспрессионистическом жесте. Важно для нас исследовать особенности жеста в рассказах Андреева 1900-х годов ещё и потому, что поэтику произведений писателя считают экспрессионистической, а именно для экспрессионизма весьма характерна визуализация внутреннего состояния с помощью жеста.

Рассмотрим роль экспрессионистического жеста в рассказе «Смех» (1901 г.) Задача данной работы – проследить эту роль в развитии лейтмотива «смеха» в рассказе, определить, что вносит жест в характеристику героя.

О.Г. Мельниченко в работе «Жест и слово в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя» отмечает: «...нередко жест героя заменяет в тексте слово и является непосредственным проявлением его состояния, реакции на происходящее» [3, 106]. Эти слова можно применить к рассказу Л.Андреева «Смех». Так, в начале произведения прямо не указано, что чувствует герой, но жесты и портретная характеристика указывают на внутреннее состояние персонажа. «Пальто моё было застёгнуто на один верхний крючок и раздувалось от холодного ветра, но холода я не чувствовал; голова моя была гордо откинута назад, и студенческая фуражка сидела совсем на затылке; глаза мои... выражали покровительство и удаль... вызов и ласку. И шаги мои были быстрые, смелые, порхающие» [5, 264]. Герой уверен в себе и своей возлюбленной, доволен жизнью, ощущает себя победителем. Об этом свидетельствуют и его взгляд, и поза, и гордо откинута голова. Через некоторое время, после несостоявшегося свидания, портрет меняется: «В без четверти семь пальто моё было застёгнуто на две пуговицы,

и я смотрел только на женщин, но без вызова и ласки, а скорее с отвращением» [5, 264]. Уверенность героя пропадает, он чувствует себя обманутым, униженным. К концу первой части рассказа внешнее описание персонажа диаметрально противоположно тому, что мы видели вначале. «Пальто моё было застёгнуто на один верхний крючок и раздувалось от холодного ветра, но холода я не чувствовал» [5, 264] меняется на «Пальто было застёгнуто на все пуговицы, воротник поднят» [5, 264], «голова моя была гордо откинута назад, и студенческая фуражка сидела совсем на затылке» [5, 264] – «фуражка нахлобучена на посиневший нос» [5, 264], «шаги мои были быстрые, смелые, порхающие» [5, 264] – «по шаркающей походке и согнутой спине меня можно было принять за довольно ещё бодрого старика» [5, 264]. Таким образом, все чувства героя обрисовываются жестом, без прямого именованья их словами, и можно говорить о том, что жест в рассказе «Смех» иногда даже заменяет слово, выдвигаясь на первый план.

Первостепенное значение в рассказе приобретают смех, улыбка, осмысленные как жесты. Это заявлено уже в заглавии. Смех становится основным лейтмотивом в рассказе. Смеются все герои:

«Товарищи мои катались от смеху по диванам...» [5, 266]

«Она смотрела на вас прямо и спокойно – и неудержимый хохот овладевал вами» [5, 266]

«Смех овладел и мной» [5, 266]

«Неудержимый хохот овладевал ими» [5, 266]

«Меня окружала и давила толпа хохота...» [5, 266]

«Смех ответил мне...» [5, 267]

Несмотря на то, что все герои без исключения смеются, смех их различный. Друзья главного героя искренне веселятся: «Товарищи мои катались от смеху по диванам, бессильно падали на стулья и махали руками».

С любовью главный герой говорит о смехе возлюбленной: «...смех, звонкий, весёлый, яркий, как весеннее солнце...» [5, 267] Но по ходу повествования мотив смеха приобретает всё большую экспрессионистическую окраску. Он перерастает в «неудержимый хохот» [5, 266], становится «жгучим, беспощадным солнцем» [5, 267]. Герой ощущает враждебность «хохочущего» мира, который угнетает его: «Весь путь меня окружала и давила грохочущая туча хохота и двигалась вместе со мной, а я не мог вырваться из этого кольца безумного веселья» [5, 266]. Смех приобретает исключительно отрицательную оценку, он оказывается частью враждебного мира, уничтожающего героя.

Метафора, подобранная писателем, тоже подчеркнута экспрессионистична. Все слова отражают чрезвычайность, неестественность происходящего: «давила», «грохочущая туча», «не мог вырваться», «безумное веселье».

Порой кажется, что веселье захватывает героя: «...я кричал, пел, плясал» [5, 266]. Жесты подчеркнута порывисты, эмоциональны. Это наводит на мысли о поддельном веселье. Герой ни на минуту не перестаёт чувствовать себя неудобно, одиноко: «И как он далёк был от меня, этот мир! И как одинок я был под этой маской!» [5, 267] Даже звонкий и весёлый смех любимой теперь воспринимается героем по-другому: «Чёрный блеск её глаз потух, всё ярче разгоралась улыбка. Это было солнце жгучее, беспощадное, жёсткое» [5, 267]. Эпитеты, характеризующие смех, расположены по возрастающей: жгучее, беспощадное, жёсткое. Они указывают, как постепенно ухудшается внутреннее состояние героя, который оказывается в ситуации полного непонимания и отчуждения, чувствует себя абсолютно одиноким. Это снова подчеркивается при помощи жеста: «Плечи мои опустились, и голова поникла, и так много отчаяния было в моей позе» [5, 267]. Внешний вид персонажа, его поза характеризуют внутреннее состояние: надежда обрести гармонию с миром потеряна.

Но что отделяет главного героя от окружающих? Формально это маска китаецца: «У неё были нос, глаза и рот, и всё это правильное, стоящее на своём месте, но в ней не было ничего человеческого. Человек даже в гробу не может быть так спокоен. Она не выражала ни грусти, ни веселья, ни изумления — она решительно ничего не выражала» [5, 266]. И здесь намечено уже главное противоречие. Богатый переживаниями внутренний мир героя, вся палитра его многообразных чувств оказывается скрытой под ничего не выражающей маской, которая вызывает лишь приступы «неудержимого хохота» у окружающих как раз своей удивительной способностью абсолютно ничего не выражать. Но маска — это всего лишь нечто внешнее, а потому дело не только в ней. Это своего рода символ, однако не «окрашенный», как у символистов, мотивом двойничества образа героя. На самом же деле герой Андреева остро ощущает невозможность объяснить окружающим то, что происходит у него в душе.

Для изображения состояния героя выбраны в высшей степени экспрессивные жесты: «Сдвига брови, стискивая от боли зубы, с похолодевшим лицом, от которого отлила кровь, я взглянул в зеркало... <...> с дрожью подымающегося гнева, с безумием отчаяния, я заговорил, почти

закричал» [5, 266]. Сдвинутые брови, стиснутые зубы, бескровное лицо — всё выражает внутреннюю напряжённость, чрезмерность переживаемого. Чувства необычайно накладываются друг на друга, захлёстывая героя. Здесь и безумие, и отчаяние, и гнев, и боль, и тоска.

Душевные переживания героя вырываются наружу: «Я говорил — и слёзы накопились у меня на глазах. <...> Я кусал губы, слёзы текли по моему разгорячённому лицу» [5, 268]. Каждый жест героя — горячая мольба о помощи. Все они очень эмоциональные, яркие, даже отчаянные. Можно сказать, это по-настоящему экспрессионистические жесты.

Но маска по-прежнему скрывает истинное состояние героя, не позволяя тем самым установить контакт с окружающими. Маска становится символом отъединённости, отчуждённости от мира, символом полного одиночества и непонимания. «О, если бы мне хоть на минуту дали человеческое лицо!» [5, 268] — восклицает герой. А за этим мы слышим: «О, если бы хоть кто-то мог меня понять!» Человек, остро нуждающийся в поддержке, не встречает её, окружающие слепы и глухи к его чувствам.

Особенно показателен финал рассказа: «Ты имел колоссальный успех. Я никогда не видал, чтобы так смеялись... Постой, что ты делаешь? Зачем ты рвёшь маску? Братцы, он с ума сошёл! Смотрите, он разрывает свой костюм! Он плачет!» [5, 268] Все струны души героя натянуты, о чём свидетельствуют порывистые, резкие, ярко экспрессивные жесты: разрывает, рвёт. Но друзья и сейчас не способны увидеть ищущую сочувствия человеческую душу, скрытую за «отвлечённой физиономией» маски.

Смех, будучи изначально психологическим состоянием героев, их реакцией на внешние обстоятельства, становится образом враждебного мира, смеющегося над человеком.

Жест служит характеристике героя, часто играя даже большую роль, чем слово, при раскрытии внутреннего мира персонажа. Он становится необходимой деталью, без которой не обходится ни одна сцена. Через жесты выражается авторское отношение к создаваемым характерам и к действительности в целом.

Жесты в рассказе «Смех» — важная составляющая экспрессионистической поэтики. Они подчеркнута эмоциональны, отличаются чрезмерностью, чрезвычайностью и зачастую становятся символами определенных чувств и переживаний героев. Все это можно назвать, используя определение М.Н. Жорниковой, особенностями «жестового стиля» ранних произведений Л. Андреева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) / Ю.М. Лотман // Литературное наследие декабристов / под ред. В.Г. Базанова, В.Э. Вацура. – Л. : Наука, 1975. – С. 25-74.

2. Жорникова М.Н. Поэтика портрета в русской романтической повести 1830-х гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / М.Н. Жорникова. – Улан-Удэ, 2004. – 163 с.

3. Мельниченко О.Г. Жест и слово в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя / О.Г. Мельниченко // Слово и жест: Сб. научных трудов. – Воронеж, 1983. – С. 89-106.

4. Чурсина Л.К. Концепция «жеста» в работах А. Белого / Л.К. Чурсина // Слово и жест: Сб. научных трудов. – Воронеж, 1983. – С. 24-40.

5. Андреев Л.Н. Собрание сочинений в шести томах / Л.Н. Андреев. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1990. – С. 264-268.

*Нашатырева С.С.
Воронежский государственный университет.
Аспирант филологического факультета.*

*Nashatyreva S.S.
Voronezh State University.
Post-graduate of philological faculty.*